

**К ПРОБЛЕМЕ ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ БУДДИЙСКИХ
ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ
(на материале оригинальных и переводных сочинений
калмыцких священнослужителей
из коллекции КалмНЦ РАН)**

Коллекция письменных памятников Научного архива Калмыцкого научного центра РАН формировалась на протяжении многих десятилетий. В ней представлены рукописные и печатные книги на тибетском, монгольском и ойратском языках, содержание которых составляет буддийская тематика. Следует отметить, что эти письменные источники разнообразны по характеру и составу. Наряду с хорошо известными буддийскими сочинениями, воспроизведенными ксилографическим или литографическим (литографским) способом, а также записанными вручную, имеются рукописные материалы, представляющие собой образцы писем, посланий, фрагментов текстов, записок, которыми обменивались священнослужители между собой. Они, как правило, записаны ойратским «Ясным письмом» (ойр. *todorxoi üzüq* или *todo bičiq*) или по-тибетски на бумаге разного вида, сорта и производства.

Все старописьменные источники сосредоточены в двух коллекциях редких книг. Первая представляет собой материалы Фонда-15 или Фонда О.М. Дорджиева – Тугмюдгавджи (1887–1980), составленного из личной библиотеки известного калмыцкого гелюнга. Она поступила в КалмНЦ РАН (на тот период – КНИИИФЭ) уже после его кончины в 1980 г. Вторая включает книги из Фонда-8 (Фонда редких рукописей), составленного из образцов текстов, поступивших от В.К. Артаева, Д.С. Сальмина, Э.У. Убушиева, А.Э. Борманжинова, Н.И. Кекеева, Н.Д. Кичикова, Н. Давурова, А.В. Бадмаева, Я.Л. Шодорова, Тэло Тулку Ринпоче, а также Тугмюдгавджи, который дарил свои книги инсти-

туту, начиная с 1960-х гг. Одним из таких раритетов является его перевод известной буддийской «Сутры о мудрости и глупости» (крат. тиб. «Занлундо») с тибетского языка на ойратский. Этот перевод представляет собой рукопись, состоящую из 4 общих тетрадей современного образца с листами в клетку, записанную ойратским «Ясным письмом» [*Oülgurun dalai*]. Отметим, что в Научном архиве КалмНЦ РАН хранятся также два ксилографических издания этой сутры на тибетском языке, послужившие основой для перевода Тугмюд-гавджи [Dzan. 1; Dzan. 2].

Поскольку книги из указанных коллекций некогда принадлежали буддийским священнослужителям, они отражают систему постановки религиозной службы в *хурулах*, а также индивидуальную практику его служителей, специализировавшихся каждый в своей области. Среди них были *зурхачи* (астрологи), *эмчи* (специалисты в области тибетской медицины), *багши* (настоятели хурулов). Поскольку при поступлении книг в Научный архив были сохранены отдельные свертки (как правило, книги заворачивались в несколько слоев шелковой или хлопчатобумажной ткани, а затем перетягивались тесьмой или лентой), включающие тексты, принадлежавшие определенному гелюнгу, это позволяет исследователю установить не только его специализацию, но и детально изучить круг текстов, на которых основывалась его религиозная практика.

В архиве представлены уникальные образцы астрологических сочинений, содержащие тексты, рисунки, таблицы, диаграммы и проч. на двух языках – тибетском и ойратском. И в этом проявляется уникальность буддийских текстов, имевших хождение в среде ойратов и калмыков.

Классические канонические тексты на ойратском языке восходят к переводам Зая-пандиты Намкай Джамцо (1599–1662) и его ближайших учеников и последователей. Они большей частью выполнены в середине XVII в. Именно на этот период, сразу после времени создания Зая-пандитой «Ясного письма», приходится перевод сочинений, которые так лаконично и метко были охарактеризованы известным

монголоведом Д. Карой: «...мелкие трактаты и объемные книги, трудные философические сочинений и сборники доступных всем легенд» [Кара 1972: 78].

В Научном архиве КалмНЦ РАН представлены тибетские тексты, как канонические, так и неканонические, что позволяет проводить сравнительно-сопоставительные исследования по целому ряду буддийских сочинений.

Одним из путей наиболее полного и всестороннего исследования письменного наследия монгольских народов, на наш взгляд, может послужить применение методических приемов палеографии как одной из вспомогательных исторических дисциплин, предусматривающей изучение графики и особенностей письма, почерков, материала создания рукописей и печатных книг (бумага, чернила, орудия записи и проч.), проблемы датировки, установления имен авторов, заказчиков, исполнителей (резчиков, писцов), места создания источника, его формат, его первоисточник и т.п. – всего того, что позволит в конечном итоге установить этапы истории создания письма, его изменений (в том числе в результате реформ графики и орфографии, как это имело место быть в истории бытования «Ясного письма» у калмыков Поволжья) на протяжении длительного периода времени.

Оценивая усилия калмыцких ученых в русле указанного направления, можно отметить, что ими проделана большая работа, наработан значительный опыт в плане изучения и издания письменных памятников. Среди этих работ:

- публикации письменных памятников.
- исследования языка письменных памятников.
- описания, каталоги, обзоры письменных памятников из фондохранилищ.
- изучение письменных памятников в историко-культурном контексте (с позиций выявления их историко-культурной значимости).

Особого внимания заслуживают ойратские письменные источники, что обусловлено особенностями традиционного письма, созданного Зая-пандитой в 1648 г., и теми изменениями, которое оно претерпело у калмыков Поволжья в ходе

реформирования в разные исторические отрезки времени. Об этом писал известный монголовед В.Л. Котвич: «... Зая-пандита, устанавливая новую орфографию при помощи нового письма, не вполне приспособил ее к живой речи, а сохранил много старых форм и слов, которые имелись в прежних монгольских книгах» [Котвич 1929: VI]. Очень подробно эти вопросы рассмотрены одним из исследователей истории письменного калмыцкого языка Ц.-Д. Номинхановым, который отмечал, что Зая-пандите удалось разрешить сложные моменты и преодолеть недостатки общемонгольской письменности (к примеру, решить вопрос о долгих гласных, упорядочить согласные по числу произносимых согласных звуков и т.д.), но по ряду вопросов графики и орфографии в последующем возникли сложности. Вызвано это было тем, что письменность Зая-пандиты не в полной мере отражала разговорный язык, кроме того, остались не ясными некоторые моменты орфографии [Номинханов 1976: 10]. Вопросы, вызывавшие затруднения, согласно мнению Ц.-Д. Номинханова, сводились к таковым: 1) как следует писать послелоги – слитно или раздельно; 2) как следует писать падежные окончания – слитно или отдельно от именной формы (в последующем, на более поздних этапах, их стали писать слитно и в ойратской письменности, и в старописьменном монгольском языке); 3) остался неразрешенным вопрос орфографии, а именно выбора вариантов правописания непервых слогов, (как результат одно слово могло иметь разные варианты написания); 4) не были упорядочены написания глагольных окончаний *-bai*, *-boi*; *-qsan*, *-gsen*; *-mui* и т. п. [Номинханов 1976: 10–11].

Указанные моменты в вопросах графики и орфографии «Ясного письма» не были особенно актуальны для священнослужителей, поскольку они в своих трудах старались придерживаться классической орфографии Зая-пандиты. Тем не менее, исторические события последующих периодов отразились на состоянии письменности, неминуемо повлияли на внешние признаки, оформление письменных источников. То, что было характерно для светской переписки, деловых

бумаг на «Ясном письме», – «естественное стремление к тому, чтобы приблизить орфографию к современной речи» [Котвич 1929: VI], – в последующие века стало проявляться и в религиозных текстах. Не случайно Ц.-Д. Номинханов выделяет два периода письменности Зая-пандиты: «ранний – XVII–XVIII вв., отличающийся присутствием архаизмов монгольского письменного языка, и поздний – XIX–XX вв., отличающийся сближением письменности с народной речью» [Номинханов 1976: 14].

XX век привнес в историю ойратской письменности у калмыков существенные изменения. В 1924 г. было принято решение перейти на графическую основу русского алфавита с принятием дополнительных букв (*ä, ö, ü, џ, жс*). В 1926 г. было принято решение заменить три знака специфическими латинскими литерами [Номинханов 1976: 53]. В 1928 г. вновь были предложены новые знаки для кириллического алфавита. В 1930 г. было решено перейти на латинизированный алфавит [Номинханов 1976: 78], при этом сначала в 1930 г. был принят первый вариант латиницы, в 1931 г. – ее второй вариант. В 1938 г. снова было решено перейти на русский алфавит [Номинханов 1975: 18]. Последние реформы в современной калмыцкой письменности были осуществлены в 1958 г., когда в кириллический (русский) алфавит были внесены 6 новых дополнительных букв [Номинханов 1975: 178].

Указанные моменты в истории орфографии калмыцкого языка отразились и на состоянии письменных религиозных текстов, которые на протяжении XX века имели хождение среди калмыцких гелюнгов и мирян не только в записи на тибетском и ойратском языках, но и на одной из разновидностей кириллического письма, принятого калмыками в 1924 г. Об этом свидетельствуют некоторые сохранившиеся тексты [Музраева 2008; 2010].

Таким образом, материалы из фондов КалмНЦ РАН являются богатством письменного наследия ойратов и калмыков, их сохранение и дальнейшее исследование с применением методов палеографии и других дисциплин послужит раскрытию малоизученных страниц истории духовной культуры монгольских народов.

Источники

Dzan. 1 — *'Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo* «Сутра о мудрости и глупости». Ксилограф на тибетском языке. — Научный архив КалмНЦ РАН. ФД-15 (Фонд О. М. Дорджиева). Описание 1. Ед. хр. 20. 293 л.

Dzan. 2 — *'Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo* «Сутра о мудрости и глупости». Ксилограф на тибетском языке, выполнен красной тушью. — Научный архив КалмНЦ РАН. Ф-8 (Фонд редких рукописей). (Поступил от О. М. Дорджиева в 1968 г.). Описание 1. Ед. хр. 1. 172 л.

Oülgurun dalai — («Море притч»). Рукопись перевода Тугмюд-гавджи на «Ясном письме». — Научный архив КалмНЦ РАН. Ф-8 (Фонд редких рукописей). (Поступила от О. М. Дорджиева в 1968 г.). Оп. 1. Ед. хр. 2. Тетради 1–4. 289 л.

Литература

Кара Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М.: ГРВЛ, 1972.

Котвич В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. 2-е изд. Ржевнице у Праги: Калмыцкая комиссия культурных работников в Чехословацкой республике, 1929.

Музраева Д. Н. К проблеме идентификации безымянной рукописи на кириллице из коллекции Бага-Чоносовского хурула // Научная мысль Кавказа. 2008, № 4. Ч. 2 (57). С. 14–18.

Музраева Д. Н. Литературное наследие // Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; КИГИ РАН. М.: Наука, 2010. (Народы и культуры). С. 387–405.

Номинханов Ц.-Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М.: Наука. ГРВЛ, 1975. 327 с.

Номинханов Ц.-Д. Очерк истории калмыцкой письменности. М.: Наука, ГРВЛ, 1976.